

- 7 Зимняя И.А., Чернов Г.В. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода. В сб.: Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. -М., ИЯ -АН СССР, 1973.
- 8 Ташенова Ж. А., Джумагулова М. Ш., Нурекешова Г. Р. Глеспе аудармашыларды дайындау мәселелері // Молодой ученый. — 2015. — №8.2. — С. 61-63.
- 9 Садирова К.Қ. Қазақ тіліндегі көп пропозициялы дискурстың құрылымдық негіздері. – Ақтөбе, 2008. – Б. 12-17.
- 10 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
- 11 Ақтанова Л. Дискурс, мәтін, сойлесім, тіл мәселелері. – Б. 10-11.
- 12 Буркитбаева Г.Г. Деловой дискурс. Онтология и жанры. – Алматы: Ғылым, 2005. – 232 с.
- 13 Грачьевич Э. Политический дискурс как средства политической коммуникации. – Б. 2-9.
- 14 Ахатова Б.А. Проблемы словестного оскорбления личности в современной политической сфере // Вестник КазУМОиМЯ, Серия «Филология». – 2006. – № 1 (6). – С. 27-30.
- 15 Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 256 с.
- 16 Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32-43
- 17 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Дисс. Док.филол. наук. – Волгоград, 2000. – 432 с.
- 18 Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. – 1998. – №1. – С. 23-35.

УДК 347.78.034

Мирзоева Л.Ю.¹, Сюрмен О.В.²

¹*д.ф.н., ассоц. проф., Университет имени Сулеймана Демиреля, Алматы, Казахстан
e-mail: leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz*

²*МА, Университет имени Сулеймана Демиреля, Алматы, Казахстан
e-mail: oxana.syurmen@sdu.edu.kz*

**К ПРОБЛЕМЕ ВОССОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО СПЕЦИФИЧНОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ С ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА
МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. ПАМУКА «ИМЯ МНЕ – КРАСНЫЙ»)**

Abstract: The article dwells upon different translation strategies used in the process of rendering idioms in the frame of Turkish-Russian literary translation. The authors focus on discrepancies between Turkish and Russian phraseology. Analysis of the material shows that the most important strategy chosen by M. Sharov is pragmatic correspondence of source and target texts.

Keywords: Idiomatics, phraseological units, source text, target text, domestication strategy

Воссоздание фразеологических единиц различных типов, безусловно, является одной из ключевых проблем художественного перевода. Несмотря на значительное

количество исследований в этой сфере, специфика воссоздания турецкой идиоматики в переводе на русский язык еще не подвергалась детальному анализу. В то же время, следует отметить, что насыщенность турецкого языка идиоматикой, равно как и значительные структурные различия турецких и русских идиом можно расценивать как факторы, порождающие множество переводческих трудностей. На наш взгляд, применительно к воссозданию идиоматики в турецко-русском художественном переводе применимо положение В.Н. Телии: «культурная адаптация таких микротекстов, позволяющая обеспечить «читаемость» в другой культуре через сохранение их эквивалентности как смысловой, так и «импрессивной, то есть эквивалентности впечатления (подсознательного воздействия), производимого на реципиента» [1, с. 12].

В данной работе, материалом для которой послужил роман О. Памука «Имя мне – Красный» и его русская версия (переводчик – М.В. Шаров), мы остановимся лишь на тех ФЕ, поиск соответствия для которых порождает комплекс проблем в плане структурном, семантическом и прагматическом. Следует подчеркнуть, что и классификация фразеологизмов в турецком языке носит принципиально иной характер и базируется на совершенно иных основаниях, нежели классификация идиом, принятая в русской традиции. Более того, вопрос этот еще недостаточно разработан в турецком языкознании. В частности, одной из наиболее четких классификаций является предложенная Ш. Элчином систематика ФЕ с точки зрения их грамматической формы: 1) ФЕ инфинитивной группы; 2) ФЕ, в которых глагол представлен в какой-либо временной форме; 3) ФЕ с отглагольными формами и существительными в косвенных падежах; 4) ФЕ, в которых глагол употребляется в строго фиксированной форме; 5) ФЕ, не имеющие элементов - глаголов в своем составе; 6) ФЕ, представляющие собой словосочетания с подчинительной связью; 7) ФЕ, содержащие существительные с аффиксами принадлежности; 8) ФЕ — *повторы*, например: «*çoluk çosuk*» - «*семья*»; 9) ФЕ, содержащие повторение однокоренных слов, например: «*boşu boşuna*» - «*напрасно, зря*»; 10) ФЕ, построенные на *рифме*, например: «*azıcık aşım, kaygısız başım*» - «*довольствоваться малым*»; 11) ФЕ, содержащие *отрицание в глаголе* (курсив наш - Л.М., О.С.) [2, с. 75].

Как видно из приведенной классификации, структурные соответствия фразеологизмов-повторов (по Ш. Элчину, типы 8 и 9, частично – тип 10) не распространены в русском языке. Следовательно, задача переводчика усложняется, во-первых, поиском соответствия, которое (а) было бы семантически наиболее приближенным к оригиналу; (б) создавало бы аналогичный прагматический эффект и оказывало бы соответствующее воздействие на реципиента; (в) способствовало бы воссозданию оригинальной ритмической структуры текста (в особенности применительно к идиоматике, соотносимой с 8, 9 и 10 типами ФЕ по классификации Ш. Элчина). Во-вторых, переводчик неизбежно будет поставлен перед выбором: сохранить выразительный и воздействующий потенциал текста в целом, либо соблюсти структурные и семантические особенности текста-источника, максимально перенося их в структуру текста-рецептора. Как это будет показано ниже, переводчик предпочел сохранение прагматического и суггестивного эффекта сохранению структурных особенностей текста; применение данного принципа объясняет и специфику использования приемов и тактик воссоздания фразеологии романа «Имя мне – Красный».

В переводоведении существует несколько подходов к воссозданию фразеологического фонда транслируемого текста. Так, Я.И. Рецкер выделяет 4 потенциально возможных типа воссоздания ФЕ в переводе: 1) с полным сохранением иноязычного образа; 2) с частичным изменением образности; 3) с полной заменой

образности; 4) со снятием образности [3]. Говоря о способах воссоздания идиоматики, В.С. Виноградов делит фразеологизмы на такие типы, как лексические фразеологизмы, воспроизводимые в речи как готовые лексические единицы и эквивалентные определенным частям речи; предикативные ФЕ, равные предложениям и закрепившиеся в языке в виде устойчивых формул; компаративные ФЕ, представляющие по своей сути сравнения [4].

На основании данной классификации обычно выделяют ФЕ, переводимые также с помощью эквивалентных ФЕ языка-рецептора; ФЕ, которые переводятся описательным путем; ФЕ, появляющиеся в тексте перевода и отсутствующие в тексте оригинала.

В нашем случае преобладающими являются (а) описательный перевод с высокой степенью экспрессивности (47 случаев из выявленных нами 92); (б) появление ФЕ в тексте-рецепторе (32 случая). Если же следовать классификации Я.И. Рецкера, то целью переводчика было сохранение иноязычной образности; исходя из этого, выявляются разнообразные типы взаимозамен идиоматичных и свободных сочетаний, а зачастую – и отдельных слов ср.:

Kızım ağlaya ağlaya (буквально -плача, Дочка *выплакала все глаза* и все смотрит плача) *tükenmiş*, *bahçe* на садовую калитку, все домашние *karısına bakıyordu*; *hepsinin gözü yolda* извелись от неизвестности и *ждут*, (буквально *глаза на дороге*), *kapıdadır*. *ждут*, когда же я вернусь.

Приводимый пример достаточно типичен для исследуемого нами перевода; как видно из приведенных контекстов, вместо повтора *ağlaya ağlaya tükenmiş* переводчик использует предикативный фразеологизм *выплакать все глаза*; ритмическая структура текста воссоздается им при помощи нефразеологизированного повтора *ждут, ждут*, воссоздающего те же интенции, что и турецкая идиома *gözü yolda olmak*.

Älem beş para etmez alçak katillerle dolu, Вы говорите, что в мире полно *мерзавцев и злодеев*, так что какая *ha biri, ha diğeri mi diyorsunuz?* *разница, кто меня убил?*

Буквальный перевод турецкого фразеологизма *beş para etmez* таков: *не стоящие 5 копеек*; в целях дальнейшего раскрытия отношения говорящего он сопровождается оценочным интенсификатором *низкие убийцы (alçak katiller)*; в тексте-рецепторе мы видим использование оценочных *лексических*, а не *фразеологических* ресурсов языка (*мерзавцы и злодеи*).

Как это видно из приводимого материала, описательный перевод зачастую предполагает использование синонимии между ФЕ и неидиоматичными экспрессивными ресурсами языка; при этом оказывается возможным стилистический сдвиг, несоответствие стиля фрагмента оригинала и соответствующего переводного текста:

Beni burnu büyük bulup iğnelemesinler diye bir iki resim de ben yaptım meddah için, ama bunun kıskançlığı durduracağını da sanmam. *Чтобы на мой счет не язвили, называя высокомерным, я тоже сделал для меддаха несколько рисунков, но не думаю, что из-за этого мне перестанут завидовать.*

В данном случае турецкий фразеологизм *burnu büyük* (букв. большой нос), имеющий разговорную стилистическую квалификацию и значение горделивый, заменен русской лексемой *высокомерный*, книжный характер которой подтверждается лексикографическими источниками: '**Высокомерный**, высокомерная, высокомерное; высокомерен, высокомерна, высокомерно (*книжн.*). Полный высокомерия. Высокомерный человек. || Обнаруживающий, выражающий высокомерие. Высокомерный вид' (Толковый словарь Ушакова онлайн) [5].

К числу сходных случаев можно отнести, в частности, следующий:

Bu da aranızda bir hayalet gibi gezinen ...и тогда из безымянного, безликого adsız, hüviyetsiz bir katil olmaktan çıkarır убийцы, бродящего среди вас, я da beni, yakayı ele vermiş, yüzü belirgin, превращусь в заурядного преступника, kafası vurulacak sıradan bir suçlu которого опознают, схватят и durumuna düşürür. подвергнут наказанию.

Переводчик переносит акцент с не воспроизведенной в тексте-рецепторе ФЕ (*yakayı ele vermiş* - буквально: выдавший себя) на эпитеты, придающие описанию жуткий и зловещий характер: *безымянного, безликого убийцы, бродящего среди вас*; воздействие на реципиента усиливается употреблением в переводе книжного фразеосочетания *подвергнут наказанию* вместо межстилевого *kafası vurulacak*. Аналогичный прием используется переводчиком и для выражения авторской положительной оценки, ср.:

Şimdi onu karşımda kararlı, kemale ermiş Сегодня же я рад видеть перед собой *ve saygılı bir yeğen olarak görmekten зрелого, решительного, вежливого metnimim.* мужчину.

Употребленный в оригинале фразеологизм *kemale ermek* (буквально – достичь совершенства) воссоздан при помощи эпитета: зрелый, где ЗРЕЛЫЙ, зрелая, зрелое; зрел, зрела, зрело. 1. Созревший, достигший полного развития. Зрелый плод. || Спелый. Зрелые ягоды. 2. Свойственный созревшему, достигшему полного развития человеку (о возрасте, поре жизни). Зрелый возраст. Зрелая пора. 3. перен. Основательно обдуманый, взвешенный, тщательно выношенный (книжн.). Зрелая мысль. Зрелое решение[5].

К числу интересных приемов в области воссоздания турецкой фразеологии можно отнести разрушение фразеологизма; кажущийся буквализм, демонстрируемый при этом переводчиком, приводит к усилению экспрессивности текста, т.к. отступление от нормативного использования ФЕ приковывает внимание реципиента:

Ölüm nasıl bir şey, canın yanıyor mu? Расскажи, что бывает после смерти, про рай и про ад, расскажи, где сейчас твоя душа, больно ли ей?

Во Фразеологическом словаре русского языка [6] представлена лишь идиома *душа болит*: 1. кого, чья, у кого. Разг. Кто-либо испытывает беспокойство, страдания, тревогу. 2. за кого, за что. Разг. Кто-либо переживает за кого-либо; тревожится за что-нибудь. В то же время, ее значение несколько иное: беспокойство, переживание, но не боль, которая сродни физической (что мы видим в тексте перевода). Таким образом, происходит и семантический сдвиг, производящий на реципиента эмоциональное воздействие: душа воспринимается не просто как отвлеченный феномен, но как нечто, способное испытывать физическую боль. Таким образом, раскрывается и двойное соответствие русского *душа* и турецких лексем *ruh* (*Dinlerin ve dinci felsefelerin insanda vücuttan ayrı bir varlık olarak kabulettiği öz*) и *can* (*İnsan ve hayvanlarda yaşamayı sağlayan ve ölümlle vücuttan ayrılan madde dışı varlık*) (Güncel Türkçe Sözlük, tdk.gov.tr) [7], первая из которых скорее является аналогом понятия *духовность*, вторая же соотносится со значением *душа, жизнь*.

Ср. также:

Ölecekler için toprak çekti derler, Про покойников говорят, что их beni de ölüm çekmişti. призвала к себе земля, меня же призвала в Стамбул смерть.

Интересно прежде всего то, что в русском языке ни *земля*, ни *смерть* не *призывают* – призывают смерть; со словом *земля* призыв не ассоциируется вообще (так, Национальный корпус русского языка не дает ни одного аналога подобного

словоупотребления, и в этом смысле в русском языке *смерть* пассивна). В русском языке призвать может *господь*, *бог*, и в данном случае речь может идти как о смерти, так и о жизни, ср.:

Но речь здесь идет не о хрусталиках, а о *настоящих*, живых существах, которых *Бог призвал* идти к Нему, возрастая... (Митрополит Антоний (Блум). «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия». Беседы на Евангелие от Марка, цитируется по НКРЯ) [8]. Таким образом, кажущийся буквализм перевода и следование оригиналу раскрывает внутреннюю форму разрушенного ФЕ и может быть расценено как прием воссоздания выразительного потенциала текста. Ср. также во многом сходные случаи:

Can çekişmekte (буквально – при смерти) ... *хотел найти между ранеными, olan yaralı cengâverler arasında ölüp de пытающимися одолеть смерть, такого, dirilen birine rastlarım da... кто уже умер, а потом ожил...*

O budalayı öldürmeden az önce bile, Eğer бы мне сказали, хотя бы и перед herhangi birinin canını alacağını bana самым убийством этого дурачка, что я söyleyense inanmazdım. смогу отнять жизнь у человека, – не поверил бы.

Если в первом случае турецкий фразеологизм передает значение промежуточного состояния (*çekişmek* буквально – *тянуть в разные стороны*), то русский эквивалент содержит семы 'борьба' и 'победа', что несколько смещает акценты. Во втором же случае имеет место полное совпадение внутренней формы турецкого и русского фразеологизмов, и, следовательно, полная эквивалентность. Случаи полной эквивалентности не являются самыми частотными, но в то же время могут быть отнесены к числу переводческих удач, т.к. налицо преодоление существенных различий не только в системных характеристиках языка-рецептора и языка-источника, но и различий мировоззренческого плана, несходства мировосприятия и картины мира. Ср.:

Gerçekten bu kadar kuş beyinli miydi? Неужели у него такие куриные мозги? – podumal я.

Как в турецком, так и в русском языке представление о недалеком человеке передается через сопоставление с представителями животного мира для негативной интеллектуальной характеристики (*птичий ум – куриные мозги*); однако в русском языке представления более конкретны.

Ok yaydan çıkmıştı (буквально – *стрела из Но дороги назад уже не было. лука уже вылетела) bir kere.*

Значение невозвратности в турецком тексте и в его русской версии передано ФЕ, ассоциативные основания которых различны: образ пущенной из лука стрелы, поймать которую невозможно, в оригинале, и генерализованное понятие невозможности обратного пути в русском тексте связаны с различными ассоциативными рядами, и тем не менее, семантически и прагматически они достаточно близки.

Полная семантическая эквивалентность имеет место в следующем фрагменте, где, однако, имеют место стилистические различия (переводчик избрал для передачи авторских интенций книжный фразеологизм *в мгновение ока*, тогда как в оригинале корреспондирующая ФЕ отнюдь не характеризуется соотнесенностью с высоким стилем):

Bütün bunları düşünmem, buna düşünmek Все эти мысли, если их можно назвать denebilirse bir göz kırpması (подмигнуть) мыслями, пронеслись в моей голове в kadar sürdü, sürmedi мгновение ока.

Как уже говорилось выше, особый интерес представляет воссоздание в переводе идиоматики, основанной на повторе (типы 8 и 9 по классификации Ш. Элчина), так как перевод ФЕ, структурных эквивалентов которых в языке-рецепторе нет, требует особого мастерства. Текст романа «Имя мне – Красный» насыщен как идиомами, так и фразеосочетаниями, и свободными словосочетаниями, в основе которых лежит как лексико-стилистическая фигура повтора, так и грамматический феномен редупликации.

Ср.:

Gece yarısı karanlıkta uyanıp, göz gözü görmez odada tıktırlar çıkaran başka birisi olduğunu farketmenin dehşeti!

Рисунок великого мастера, как и сама эта история, многие годы внушал мне неподдельный страх. Глядя на него, я чувствовал ужас человека, просыпающегося посреди ночи в полной темноте и вдруг понимающего, что по комнате кто-то тихо крадется...

Значение ‘абсолютная темнота’ в турецком передается идиомой, буквально означающей *глаз глаза не видит*. Необходимо отметить, что переводчик предпочел употребить литературное *в полной темноте*, нежели более точный по семантике, но разговорный по стилистическим характеристикам фразеологизм *хоть глаз выколи*.

Сопредельными можно считать случаи замены повторов, характерных для языка оригинала, однословными семантически близкими характеристиками:

Odadaki ince ince (буквально – тонко-тонко) işlenmiş duvar, pencere ve çerçeve süslerinin, ...

Искусно выписанные украшения на стенах, окне и рамке;

Ayrıca Başnakkaş Üstat Osman da ondan nefret ediyordu. Müzebhip biraderimin iftirasını bile bile bu gerçeklerin üzerine kurnazca oturttuğunu da düşünmüştüm.

Мне уже приходила в голову мысль: а не осознанно ли мой собрат решил схитрить и подмешать к правде ложь? Насколько он искренен?

Безусловно, устранение повтора, замена его однословным семантическим эквивалентом приводит к тому, что текст перевода органично приспособлен к восприятию русскоязычным реципиентом. В то же время, переводной текст утрачивает одну из важных характеристик текста-источника, а именно его ритмизованный характер.

Подводя итоги, отметим, что в ходе воссоздания фразеологии, широко и разнообразно представленной в тексте оригинала, переводчик руководствовался прежде всего необходимостью передачи воздействующей функции ФЕ, т.е. «не буквы, но духа» текста-источника; поиск структурных соответствий, как это явствует из приведенного материала, не являлся самоцелью. Таким образом, можно утверждать, что воссоздание данного компонента многоплановой и многомерной структуры текста шло в русле переводческой стратегии доместикации, т.е. переноса текста в поле читательского восприятия, на родную для русскоязычного читателя почву. Этой цели служат и многочисленные замены, опущения, использование лексических ресурсов взамен ФЕ, национальная специфика которых выражена гораздо сильнее, а также устранение характерных для турецкого текста повторов, непривычных для русскоязычного реципиента.

Список литературы:

- 1 Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996. - 228 с.

- 2 Elçin Ş. Halk edebiyatına giriş. – Ankara: Sevinç Matbaası, 1986.
- 3 Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М. : Просвещение, 2006. – 566 с.
- 4 В.С. Виноградов. Перевод. Общие и лексические вопросы. – М., 2004. – С. 189-200
- 5 Толковый словарь Ушакова онлайн. Электронный ресурс. Режим доступа: URL<http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=9239> Дата обращения 22.09.2016
- 6 Фразеологический словарь русского языка онлайн. Электронный ресурс. Режим доступа: URL<http://phraseology.academic.ru/> Дата обращения 22.09.2016
- 7 Güncel Türkçe Sözlük Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.tdk.gov.tr>
- 8 Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. Режим доступа: URLhttp://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%EE%E3+%EF%F0%E8%E7%E2%E0%EB. Дата обращения 22.09.2016

УДК 81'25

Мусатаев Р.А.

*Магистрант КазУМОиМЯ по специальности 6М020700 - Переводческое дело, квалификация: переводчик –синхронист
e-mail: rus_musataev@mail.ru*

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ МЕНАСИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Abstract: Article is devoted to the phenomenon of menasiv speech act in the political discourse. Article also concerns the nature, impact and the way of menasiv speech act translation as a mother and a foreign language. Difficulties that could arise in translation due to a phenomenon called the speech act of threat or menasiv speech act in the translation as well as prediction of such phenomenon and search for an adequate equivalent. Modern society is extremely politicized. This is the cause of increasing interest in linguistics, political discourse, in particular the threat of use of speech acts, or menasiv speech acts (MSA).

Keywords: menasiv speech act, speech act threat, political discourse.

Феномен речевого акта угрозы или менасивного речевого акта явился результатом растущего числа политических конфликтов, зачастую переходящих в военный. Синхронный перевод – высший уровень устного перевода. Ситуации угрозы, запугивания, предупреждения являются одними из сложнейших в процессе речевого взаимодействия. Политический дискурс, на котором сконцентрировано наше внимание в рамках данной работы, нередко являет примеры реализации речевой ситуации угрозы. Политический дискурс, с точки зрения лингвистики, достаточно хорошо изучен, такими исследователями как Мазайло К.И., Эпштейн О. В., Новоселова, О.В., Бут Н.А., Ратмайер Р., Рецкер Я. И., Швейцер А.Д. [1].

В плане поверхностной манифестации реализация воздействующего (иллокутивного) потенциала дискурсивных менасивных практик в английском языке осуществляется как эксплицитными конструкциями со значением угрозы, для которых